

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА: ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ

Настоящие заметки представляют собой опыт размышления переводчика, опыт рефлексии «квалифицированного читателя» и соавтора произведения – две ипостаси, которые совмещаются в переводческом творчестве, – над проблемой адекватности создаваемого им текста тексту авторскому. Нас интересуют явления языка, проявившиеся на уровне поэтической структуры произведения, и пути воссоздания этих явлений на русском языке.

Известно, что любой перевод представляет собой трансформацию оригинала, каждый переводчик вынужден что-то в нем изменять, добавлять, чем-то жертвовать. Эти трансформации наблюдаются при переводе любого текста, проявляясь, однако, в различной степени и в различных формах, что, в частности, зависит и от жанра переводимого произведения, поэтики автора. Одной из существенных причин таких трансформаций является несовпадение систем двух языков, которое может проявляться на всех языковых уровнях. К несовпадениям, влияющим на переводческую практику, относятся и длина слов в двух языках, и различные просодические особенности, и характер синтаксических связей, а также принципы словосочетаемости, разница в семантическом объеме отдельных лексем, характер стилистической дифференциации в языке, соотношение письменной и устной речи и многое, многое другое. Естественно, что переводчик хорошо осознает и учитывает все эти факторы, поскольку он обладает знанием двух языков именно как переводчик, т. е. при восприятии чужезычного текста сразу же мысленно проецирует его в сферу языка родного, как бы «раздваивается» в мыслях, что дается лишь опытом переводческой работы.

Однако язык художественного текста является одновременно материалом, из которого создается литературное произведение, и самоопределяющим себя объектом, элементом сложного поэтического целого. Каждое художественное произведение представляет замкнутую в себе структуру, значимые элементы которой, обуславливая друг друга, находятся в отношении некой зависимости и взаимосвязи, обеспечивающей единство. Поэтому язык художественного произведения нельзя рассматривать вне этой структуры, в рамках якобы независимых узких контекстов. Язык художественного произведения полифункционален и в своих манифестациях обусловлен общим

художественным замыслом. Исходя из такого понимания, в художественном тексте можно вычленить особые значимые элементы, которые не обязательно должны совпадать с единицами естественного языка, а в случае их совпадения эти последние следует рассматривать в новом аспекте, в ином измерении, а именно – как элементы поэтики данного произведения.

Трансформация оригинала в переводе, таким образом, связана и с тем, по какому принципу переводчик будет выделять значимые элементы структуры, каким образом установит и определит их функциональную иерархию, иными словами, как, сознательно или интуитивно, он проведет поэтический анализ оригинала. Именно от этого в значительной степени будет зависеть тот отбор средств выражения, который ознаменует характер эквивалентности и точности соответствия переводимого произведения подлиннику и отразит творческую индивидуальность переводчика.

Можно выделить единые принципы художественной организации текста, пригодные для анализа любого произведения, хотя характер их конкретного наполнения будет видоизменяться в зависимости от жанра. Так, например, если выделить их на основании характера взаимоотношений различных субъектно-стилистических типов повествования, проявляющихся, в частности, в соотношении плана выражения автора-повествователя и действующих лиц, то степень независимости речевого проявления автора и взаимопроницаемость речевых характеристик автора и героев находятся в прямой зависимости от жанра произведения, значительно видоизменяясь от лирического стихотворения к прозе, драме и народной сказке. Успех перевода во многом зависит от понимания переводчиком взаимоотношений стилеобразующих факторов в структуре художественного произведения и выявления на их основе функционально значимых элементов. Именно такой подход даст возможность переводчику остаться «верным оригиналу в целом», в чем, по выражению Антона Поповича, и «заключается искусство перевода» [Попович 1990: 98].

Мне хотелось бы поделиться своим опытом интерпретации и воссоздания на русском языке пьесы современного македонского драматурга Горана Стефановского «Яне-Баламут»¹. Характер стилеобразующих элементов данного произведения находится в

---

¹ Пьеса Г. Стефановского впервые опубликована в 1974 г. Последнее издание: *Стефановски Г. Јане Задрогаз // Стефановски Г. Собрани драми. Книга прва. Скопје, 2002. С. 31–80; перевод: Стефановски Г. Яне-Баламут / Пер. Т. Поповой // Драматургија Југославије. М., 1982. С. 583–622.*

непосредственной зависимости от специфики его жанра. Как в любом драматическом произведении главным средством плана выражения является диалог, призванный обеспечить сюжетно-композиционное движение действия и характеристику действующих лиц. Однако пьеса Стефановского – это не реалистическая драма, а драматизированная сказка с определенными проявлениями клишированного текста, в котором план содержания распознается и даже угадывается зрителем без особых усилий (вследствие традиционности сюжета) и поэтому уступает ведущую роль плану выражения. Если в обычной реалистической драме зритель почти не обращает внимания на то, как говорят герои, здесь это становится главным художественно-эстетическим приемом.

Фольклорная основа драмы, связанная со сказочным сюжетом, определяет ее поэтику – композицию и язык. В жанровом отношении значительный отпечаток накладывает на нее праздничное, площадное, карнавализованное представление, действие. Пьеса построена по принципу «театр в театре», она как бы разыгрывается перед зрителем самодеятельными актерами, простыми людьми из народа, не чурающимися импровизации, свято верящими мудрости всякого афоризма, заключенного в форму народной пословицы. В пьесе многочисленны приметы ярмарочного спектакля: тут и грубоватый гротеск, и сатира, и ряженые, и драки, и прямое обращение к зрителю (например, самопредставление персонажей). Все это определяет композиционно-речевую организацию текста. Как в сказке вообще, здесь отсутствует психологическая мотивированность поступков действующих лиц, которая занимает важное место в реалистической драме и требует особых способов выражения. Психологическая характеристика героев заменяется функциональной и определяется по отношению к основным морально-этическим понятиям народного сознания: *плохой* – значит *жадный, злой, тупой, коварный, трусливый* и т. д., *хороший* – значит *храбрый, мудрый, добрый*, а также *обездоленный* и *готовый к жертве*. При этом отрицательные герои в языковом плане отличаются некоторой маркированностью речи по отношению к медиуму, который характеризует язык персонажей в целом. Маркированность проявляется в нарочитой грубости, вульгарности речи (Царица), в бессмысленной тарабарщине (сыновья Царицы), в косноязычии и коверканье языка, а также в пародировании и искажении сакральных (евангельских) текстов в речи Змея, маскирующегося с целью скрыть свое истинное лицо (речевое выряживание волка в овечью шкуру).

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

В чисто переводческом смысле все эти способы речевой характеристики не вызывают особых затруднений. Заданные автором языковые формы индивидуализации персонажей реализуются в переводе не формально, а функционально адекватными средствами. Ср., например, коверканье языка Змеем:

оригинал	перевод
<i>И јас хотам да се симнам</i>	<i>Я к вам приду</i>
<i>Да ви будем царе ваше</i>	<i>На престол взойду</i>
<i>Врвен отец народему</i>	<i>Буду муж для ваш мамаш</i>
<i>Верна љуба мамицему</i>	<i>Вам – возлюбленный папаш</i>

Для нарочитой стилизации под евангельский текст (с искажениями его смысла) речь Змея в русском переводе усиленно насыщается церковнославянизмами: *чада, глаголити, оный, внимати, возжелает, грядут, вящий* и др. Бессмысленные пустобайки придурковатых царевичей воссоздаются стилистически аналогичными скороговорками:

оригинал	перевод
<i>Елелум</i>	<i>Балатолка,</i>
<i>Белелум</i>	<i>Перепелка,</i>
<i>Чим, чим</i>	<i>Растамула,</i>
<i>Јурма, јурма,</i>	<i>Паратула,</i>
<i>Тус, тус</i>	<i>Гоп, гоп, Гопкалин,</i>
...	<i>Мартин,</i>
...	<i>Нафталин,</i>
<i>Цуф, цуф</i>	<i>Гоп, гоп,</i>
<i>Бела вошка</i>	<i>Белый клоп,</i>
<i>Црна вошка</i>	<i>Черный клоп</i>

Несколько отличен язык Иуде-Мудреца (Марко Церенкова), роль которого в пьесе аналогична роли греческого хора: он поясняет действие, дает разумные советы, а поэтому сам персонаж и его речь введены за скобки сказочной действительности. Диалог остальных героев построен на народно-поэтической основе. В сказочную форму органично включены речевые элементы различных фольклорных жанров: пословицы, поговорки, причеты-вопли, былички, озорные куплеты, колядки, заговоры-обереги против болезней, сглаза, и др. С ярмарочным народным действием сближают пьесу введенные в нее своеобразные «площадные крики» ремесленников, восхваляющих свой товар, глашатаев, призывающих народ к борьбе, а также величания и восхваления, в духе карнавальной культуры пародийно сни-

жающие сакральные тексты: молитвы (Отче наш...), заповеди Христовы.

Перечисленные особенности оригинала требуют разрешения переводческих проблем на уровне целого текста. Исходные принципы при переводе определяются аналогией с поэтикой русского балагана, с речью раёшников. Такая позиция вынудила переводчика усилить рифмовку в границах, допустимых для названных жанров в русской традиции, рассматривать данный текст как некую открытую форму, которая свободно может наполняться элементами, адекватными по художественной функции, и допускать вольности, которые свойственны данному жанру, во многом основанному на импровизации. В данном случае возникла возможность в полной мере использовать ту «гибкую систему приемов», о которой говорят теоретики применительно к переводу драматургических произведений². Рифмовку, заданную автором лишь в песнях, где, кстати, не она, а скорее ритм является главным организующим началом, в переводе было допустимо распространить и на большую часть прозаических монологов, как это принято в русском райке.

Например: *Ицо терзијата: Готои ти се алиштата, царице. Три дни око не сум затворил, ама имаше зошто. Сум ти направил алиштата за мерак. Од карпус чоа, од шкодранска чоа, од лодон и од терција. Од најубаи чои со сите маривети. Чепкени ти сошив нови, потури, долами казекии од срма...*

Ср.: *Ицо: Платья готовы, Царица. Три ночи глаз не сомкнул, но стоило и потрудиться. Такие тебе платья сшил – глаз не оторвешь. Из заморского полотна, из шотландского сукна, из кашемира и батиста. И сработано все чисто! И ленточки, и кружева, и золотая бахрома. Из самого первейшего материала шил, да и украшения хороши!*

Принцип вольности и свободы наполнения реплики при переводе на русский язык применялся на протяжении всего текста. Приведем пример на уровне лексики. Один из полудурков-царевичей, характеризуя Змея, говорит: «Змеј и пол јет, а не туку-така змеј». Выражение «что-то и пол» (половина) в македонском языке, как и в сербскохорватском (*човек и по*), весьма распространено. Буквальный перевод его на русский язык: «это не какой-нибудь Змей, а целых полтора Змея». Использование такого словосочетания вызвало бы комический эффект своей необычностью, в то время как его реаль-

---

² «Необходимо создать гибкую систему приемов, подчиненных переводческому восприятию соответствующих компонентов пьесы и представлению переводчика о ведущей идее спектакля» [Левый 1971: 209].

ный смысл, характеристика Змея, был бы утрачен, потому что *полтора Змея* по-русски значит не много, а, скорее, как раз мало (ср. выражение *ни два, ни полтора*). Возможно, для адекватной передачи смысла нужно было бы использовать словообразовательные средства: *это не какой-нибудь Змешико, а Змеище*, или: *Это не просто Змей, а Змей Змеинович*. Однако мы выбрали вариант: *Это не просто Змей, а Змей в квадрате*. Значение (смысл) тут передано точно, а несоответствие стилистических рядов (математическое или современно-бытовое *в квадрате* – и сказочный контекст) вполне приемлемо для жанра народного, ярмарочного представления с его смешением стилей. Аналогично в монологе Димче-Кузнеца в переводе появляется *кран водопроводный* (см. ниже).

При переводе данной пьесы значительную проблему составила передача пословиц и поговорок, которыми изобилует речь персонажей. Использование общепринятого принципа подбора в переводящем языке адекватных формул в данном случае облегчается близостью двух родственных языков. В известной мере пословицы македонского и русского языка совпадали почти дословно: *Спроти времето и алиштето, Спроти мечката и стапо, Спроти светецо и свеќата* и т. д. – ср. русские: *По погоде и одежда, По медведю и рогатина, По святому и тропарь*. Однако в большинстве случаев пословицы заменялись адекватными по содержанию, но отличающимися по лексике аналогами: *Еднио умира од глад, а другио го праща што ручал – У одного амбары набиты, а другие слезами залиты; Еден збира стока со мака, друг ќе јаде без мака – Один добывает и покоя не знает, а другой и глазом не моргнет и все это сожрет; Уште таките не може да си и врзат бесчестие ти носит – Еще не умеет сморкаться, а хочет с чертом потягаться*.

При необходимости текст пословиц расширялся, что вполне допустимо, поскольку народная речь любит для верности повторение одной и той же мысли разными средствами (фигура амплификации).

Например, в оригинале:

*Јане: Без време ништо не зрее;
Без дури да пати чоек не може да научит;
Без дури не пага дете не може да научи да оди;
Без дури не се испотиш, в амбар не можеш да туриш.*

В переводе:

*Јане: Без времени и яблочко не созреет;
Без муки нет науки;
Дите не пойдет, пока не упадет;
Работай до поту, так и поешь в охоту;*

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

*Не срубил дубка, не надсадя пупка;
Чтобы рыбку съесть – надо в воду лезть.*

Как уже было отмечено выше, в художественной организации пьесы Горана Стефановского стилеобразующую функцию выполняют включения элементов различных фольклорно-поэтических жанров. Перевод подобных композиционных элементов решался на уровне жанра в целом, с использованием поэтических и языковых приемов, которые определяют аналогичный жанр в русском фольклоре. Это также вызвало ряд вынужденных (и необходимых) трансформаций. В каждом отдельном случае возникала необходимость устанавливать иерархию стилеобразующих элементов. Так, для колядовой песни особенно важным представлялось сохранить ритм. В то же время опускались некоторые реалии, непонятные (особенно при слуховом восприятии) русскому зрителю (например, *варварица*), вводились в качестве компенсации фольклорные образы:

оригинал	перевод
<i>Коледица, варварица</i>	<i>Колядочка, колядубка,</i>
<i>Сива, сива гулабица</i>	<i>Сизокрылая голубка,</i>
<i>Долетала од планина</i>	<i>Прилетела во двор</i>
<i>И донесла убаина...</i>	<i>Из-за синих гор...</i>

Ритмический рисунок необходимо было воссоздать и в призыве Тасе, собирающего народ на веселье (типичный ярмарочный, масленичный «крик»-клич). С учетом русской традиции – крики зазывал – в переводе он сделан еще более динамичным:

оригинал:
*Збирајте се мажи, жени,
Сред село на грејачка,
Огон да си полиме,
За да се изгреиме,
Па после да одиме,
Коледа да викаме,
Костење да збираме,
За здравје да јадиме...*

В ответ на него народ отвечает озорной песенкой:

*Вечерајте село маало
Да не не ви се гледат
Попарато кисела
На газот ви висела
Глувчето во качето*

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Да ви ебам мајчето.

В переводе призыв передается с сохранением функции, но со значительными лексическими отклонениями:

*Собирайся стар и мал
На торжище, на базар
Колядочки, коляды,
Будем жечь костры,
Собирать дары,
Кашитаны печь,
Царицу стеречь...*

И песня:

*Ешь и пей, честной народ,
Пока солнце не зайдет,
Что бог дает,
Суй в рот.
Похлебочка солона,
На заднице сварена,
Мышка влезла в кадочку,
Растак вашу мамочку...*

Озорные песни толпы, частушки и куплеты базарного зазывалы предоставляют широкое поле для самостоятельных решений переводчика. Динамичность, четкий ритмический рисунок, грубоватый юмор, искрящийся солеными шутками, составляют основу этого жанра народно-поэтического творчества, суть которого состоит не в том, **что** сказано, но прежде всего – **как** сказано. В данном случае переводчик в первую очередь должен ориентироваться на восприятие своей языковой аудитории.

Более строгую и замкнутую структуру представляют собой причеты, вопли или плачи. «Похоронные плачи импровизировались, но вместе с тем складывались по определенному стандарту», – пишет их исследователь [Померанцева 1954: 185]. С точки зрения содержания причетов у разных народов наблюдается много общего: характеристика усопшего, жалобы по поводу беспомощного положения, в котором покойник оставляет семью и под. В формальном отношении для плачей-причетов характерны вопросы (в частности, к усопшему), синтаксические повторы, клишированные народно-поэтические эпитеты и т. д. Ср., например, русский плач: *Разнадеженька мой, мил сердечен друг, / Уж куда же ты снарядился, / Уж куда же ты сподобился, / Уж в какую ты путь-дороженьку?..* ([Померанцева 1954: 185])

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

При переводе плача Цены в пьесе Стефановского мы сочли возможным исходить из его поэтической функции в тексте и использовать в русском варианте структуру аналогичного жанра в русском фольклоре. Это повлекло за собой увеличение слогов в строке, усиление синтаксических повторов, лишь отчасти заданных оригиналом.

Оригинал:

*...Леле, лелејас сирота
Што ми било речено,
Што ми било пишано...*

Перевод:

*Да чтой-то мне судьбой назначено,
Да чтой-то на роду-то мне написано,
Да куковать весь мне век одной-одиношеньке...*

Или оригинал:

*Елате ми пријатели,
Сторете си метанија
Пред Ѓорѓија на колена
Целивајте му десница
И проштење сакајте му,
Здраво-живо пратете му*

Перевод:

*Приходите, друзья и соседушки,
Да пред Джордже упадите на колонушки,
Да попросите у него прощения,
Да молитесь всем грехам отпущения,
Да поцелуйте рученьку ему на прощание,
Да скажите ему до свидания...*

В текст переводчиком введено большое количество постоянных эпитетов, сравнений, уменьшительно-ласкательных названий (деминутивов), свойственных данному жанру, но отсутствующих в оригинале: *черная судьба, дочка-малолеточка, доченька ненаглядная, учить уму-разуму, оставил тебя батюшка как во поле былиночку, одна-одиношенька, змей огненный, бесстыжие глаза, горемычный, ненасытное чудовище поганое* и т. д. Или: *сиротушки, сиротинушки, сынки, колонушки, рученька, соседушки* и др. Как нам представляется, широкое использование свойственных русскому фольклору клишированных эпитетов в данном случае не только не аннулирует национального своеобразия македонской сказки, но, напротив, помогает воспринимать вкрапления устного, фольклорного жанра в

поэтическое целое пьесы в соответствии с замыслом автора и его реализацией в оригинале. Более того, допустимым мы полагаем даже менять набор эпитетов в таких устойчивых словосочетаниях, которые выражают народное понимание красоты, уродства и т. п. В величальной, хвалебной песне Царице произведены такого рода замены, основанные на русском фольклоре:

*Чудо-красавица наша царица, наша царица,
Ясна как солнышко и белолица, и белолица,
Очи ее словно спелые вишни, спелые вишни,
Золотом чистым наряд ее вышит, наряд ее вышит.*

Особого подхода, интерпретации и воссоздания потребовали молитвы или молебственные обращения. В молитве народа о благополучии Царицы, а также в его мольбе, обращенной к братьям-царевичам по поводу защиты от коварного Змея, наблюдается одна общая черта. Их зачины и концовки выдержаны в духе канонических религиозных текстов и содержат просьбы, главным образом из области духовной, тогда как средняя, основная часть, содержащая пословицы и присловья, наполнена частными просьбами бытового характера. С одной стороны, такое совмещение создает комический эффект, а с другой – отражает бесхитростное общение простого человека с Богом. При переводе подобных фрагментов необходимо было несколько усилить противопоставление молитвенно-отвлеченного и конкретно-сниженного мотива как в стилистическом, так и в семантическом плане, используя для этого богатые средства русского языка, более, чем македонский, чувствительного к противопоставлению высокого и низкого, книжного и разговорно-бытового регистров речи. Для этого пришлось значительно трансформировать текст оригинала.

Вот пример зачина:

*Царицата блаосоена и здрава нека ни е...
Свети дув милостив.
И чесен да не укрилит ... и т. д.*

И концовка:

*Брацка – љубов и добра мисла
Дувот да ни даит,
На стари годиње добра старост
И добри дни.*

И в то же время в середине характер мольбы иной:

Да и се живи овците,

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

*Трлото да и е полно,
Со машки јаганца калешки
Стрижење, молзење,
Јадење и пиење...*

В переводе:

*Милостивый боже и дух святой,
Защити нас и помилуй ...
Благословение и доброе здоровье
Царице нашей и деткам ее.*

И далее:

*... И богатела бы царица наша.
Вдоволь было бы у нее шерсти от овечек,
И медку, и восковых свечек,
И сахарку, и молочной каши,
И чтоб век жила царица наша.*

И медок, и шерсть от овечек, и восковые свечи, и сахарок, и молочная каша – все это отсутствует в оригинале, все это переводческие вольности, включенные в текст перевода по принципу функциональных замен.

Таким образом, исходя из специфики художественной структуры оригинала и интерпретации ее переводчиком, поиск эквивалентов был обусловлен контекстом оригинала в целом, причем решающим принципом явился не пословный или пофразовый перевод, но воссоздание отдельных структурно-композиционных элементов на уровне жанра. При этом, естественно, происходили формальные трансформации текста в переводе, который преследовал одну цель – сохранить функциональное подобие оригиналу.

Хочется остановиться еще на одной особенности переводческих решений в работе над данной пьесой. Речь идет о тех случаях, когда переводчик, устанавливая функциональную иерархию элементов текста, приходит к полному отказу от передачи семантики слов, то есть в семантическом, языковом отношении допускает полное отступление от оригинала. Это происходит, когда конкретное семантическое наполнение отдельных лексем нейтрализуется задачами и целями достижения общего поэтико-стилистического эффекта. Поясню это на примерах.

В одной из сцен изображена ярмарочная перебранка ряженых перед борьбой и дракой. Автор пьесы оперирует общим формальным приемом: брань каждого из соперников содержит слова, начинаю-

щиеся с одного и того же или сходного звука. Естественно, при переводе сохранение этого приема, создающего комический эффект, важнее конкретного содержания бранных слов, к тому же нарочито исковерканных. Переводчик в данном случае счел необходимым идти по линии воссоздания формального подобия.

Ср. в оригинале:

Божин: Гансало габосано, гргулче гргораво!

Ицо: Дрицул дрдалав.

Божин: Срцко спав!

В переводе:

Божин: Заврался, засранец, заткнись!

Ицо: Почки тебе поотбиваю!

Божин: Балаболка безносая, брехун!

Ицо: Падла паскудная!

Наиболее наглядно подобную десемантизацию лексики в переводе можно продемонстрировать на примере отдельных «криков». Здесь особенно ярко проявляется положение, согласно которому в художественной структуре целого не все слова одинаково семантически активны. Так, читателю совершенно не важны названия орудий труда, которые требует Димче-кузнец, забравшись в живот царицы, чтобы помочь ей разрешиться от плода, который она носит во чреве уже девять лет. Существенно лишь то, что речь идет о неких орудиях, а с точки зрения художественных целей, эмоционального воздействия на читателя важно, чтобы все это было произнесено быстро и звучало бы весело и складно. Именно поэтому вновь возникает необходимость трансформировать оригинал, введя рифмовку, художественно оправданную и уместную в русском тексте, при этом полностью игнорируя значение отдельных слов македонского текста:

Димче: Алати донеси, Костадинке! Прскало. Права клешта.

Крива клешта! Чекан голем за израмо, чекан голем за одрака.

Чекан со едната страна као секира без рачка. Кескија. Брзо!

Уште чекан јуварлак, за во трипитирето чукаџе. Куптир... И што ќе најдиш.

В переводе: *Давай еще: / Кусачки, отвертку, / Стамеску да ножовку, / Болты да клепала, / Щипцы да ботало, / Топор клинный / Да багор длинный, / Кувалду, хомут / Да все, что есть тут. / Члпыш да чекмарь, / Сверло да фонарь. / Клещи побольше, / Веревку потолще. / Дай железных гвоздей, / Дай нож поострей, / Крючок оконный / Да кран водопроводный, / Напильник и колодку / Да чугунную болодку, / да стальную лебедку, / Да вообще все, что найдешь!*

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Аналогичный пример представляет собой и обращение Яне Баламута к народу с призывом выйти на борьбу со Змеем, где перечислены наименования двадцати семи ремесленников, многие из которых означают профессии, неизвестные русскому читателю (*абаджи, мунавджи* и др.). В переводе большинство из них заменено наименованиями других профессий, причем ради комического эффекта мы сочли возможным завершить список сходным по структуре русским фразеологическим присловьем – *и жнец, и швец и в дуду игрец*, передающим значение *мастер на все руки*:

*Слушайте, люди мастеровые,
Сапожники да портные,
Лекарь и аптекарь,
Лабазник да пекарь,
Ветошник-бедняк,
Лотошник да скорняк...*

Перевод пьесы Горана Стефановского потребовал активного вмешательства переводчика в текст оригинала и его значительного формального видоизменения при переложении на русский язык. Это в известной степени было обусловлено жанром и общей поэтикой оригинала, предполагающими языковую игру и импровизации, а следовательно, допускающими вольности трактовки. Основные переводческие проблемы, связанные с поиском эквивалентов, решались на уровне текста в целом с учетом жанровых особенностей отдельных его компонентов, причем переводчик руководствовался стремлением создать жанрово-стилистическое подобие. При этом решающее значение имела переводческая трактовка и интерпретация произведения-оригинала. Опыт перевода пьесы Г. Стефановского «Яне-баламут» заставляет еще и еще раз задуматься над принципом «неточной точности», которая в большей мере, чем дословная близость, способна воссоздать на другом языке все особенности литературного произведения как художественного феномена.

Л и т е р а т у р а

- Левый 1971 – *Левый И.* Искусство перевода. М., 1971.
Померанцева 1954 – *Померанцева Э. В.* Семейная обрядовая поэзия // Русское народное поэтическое творчество. М., 1954.
Попович 1990 – *Попович А.* Проблемы художественного перевода. М., 1990.